

*The translation of this work was supported by the Goethe-Institut,
which is funded by the German Ministry of Foreign Affairs,
within its programme Litrix.de.*

Бьюн-Чул Хан
Прозрачное общество

Бьюн-Чул Хан. Прозрачное общество

М.: издательство “Логос”, проект letterra.org, 2014. – 60 стр.

Перевод с немецкого – Олег В. Никифоров

По изданию: Byung-Chul Han. Transparenzgesellschaft.
Matthes & Seitz, Berlin 2012. © Все права защищены.

«Прозрачное время — это время без судьбы и без события. Прозрачны образы, когда они, освобожденные от любой драматургии, хореографии и сценографии, от любой герменевтической глубины и даже от чувства, становятся порнографичными. Порнография — это непосредственный контакт между образом и глазом. Прозрачными становятся вещи, когда они сбрасывают свою сингулярность и полностью выражаются в цене. Деньги, делающие *сравнимым* всё со всем, разделяются с любой несоразмерностью, с любой сингулярностью вещей. Общество прозрачности — это *ad одинакового*». (гл. *Позитивное общество*)

Редакторская подготовка – издательство «Логос» (Москва).

ISBN 978-5-8163-0088-9 (серия [letterra.org_036](http://letterra.org))

“Я живу тем, что другие обо мне не знают”.
*Петер Хандке*¹

Позитивное общество	...7
Выставочное общество	...15
Общество очевидности	...21
Порнографическое общество	...27
Общество ускорения	...35
Интимное общество	...40
Информационное общество	...44
Общество разоблачения	...49
Общество контроля	...53

i Peter Handke, Am Felsfenster morgens, Salzburg 1998, S. 336.

В обществе прозрачности нет не только истины, но и кажимости. Ни истина, ни кажимость не пронизываемы. Совершенно прозрачна лишь *пустота*. Чтобы вызвать эту пустоту, в оборот запускается масса информации. Информационный и образный массив – это та полнота, в которой только и выделяется пустота. Лишь умножение информации и коммуникации еще не *проясняет* мир. Прозрачность еще не обеспечивает проясненности. Информационный массив не производит *истины*. Чем больше выделяется информации, тем менее обозримым становится мир. Гиперинформация и гиперкоммуникация не приносят *света* во тьму.

ОБЩЕСТВО РАЗОБЛАЧЕНИЯ

В некотором отношении XVIII век и настоящее время не так уж и несхожи. И той эпохе уже был известен пафос раскрытия и прозрачности. Так, Жан Старобински в своем исследовании по Руссо пишет: «К 1748 году тема лживости иллюзии уже не является оригинальной. В театре или в церкви, в романах или газетах каждый на свой лад пародирует нападки на представления, условности, притворство и маски. В тогдашнем словнике полемики и сатиры особой частотностью употребления отличаются понятия *раскрывать* и *разоблачать*».ⁱ В своей «Исповеди» Жан-Жак Руссо подчеркнуто выступает за начинающуюся эпоху Истины и Признания (Geständnis). Он хочет, как говорится уже в самом начале «Исповеди», показать человека во всей его «природной истине» («toute la vérité de la nature»). Это его «начинание», называемое им «беспримерным», должно стать беспощадным откровением «сердца». Руссо уверяет Бога: «Я показал себя таким, каков я есть [...] Я обнажил свое внутреннее (mon intérieur), как его видел ты сам».ⁱⁱ Его сердце должно быть прозрачным как кристалл (*transparent comme le cristal*).ⁱⁱⁱ Основная метафора его мышления — это *кристальное сердце*: «Его прозрачное, как кристалл, сердце не могло сокрыть что-либо, в нем происходившее; любое волнение, поднимавшееся в нем, сказывалось в его глазах и на лице».^{iv} Требуется «раскрыть сердце», «благодаря чему станут общими все ощущения, все мысли, так что каждый, если он чувствует так же, как должен быть,

i Jean Starobinski, Rousseau. Eine Welt von Widerständen, München 1988, S. 12.

ii Jean-Jacques Rousseau, Bekenntnisse, München 1978, S. 9.

iii Ebd., 440.

iv Jean-Jacques Rousseau, Rousseau richtet über Jean-Jacques. Gespräche, Schriften in zwei Bänden, hrsg. von H. Richter, München 1978, Bd. 2, S. 253-636. Цитируемый отрывок — S. 484.

всем явит себя таким, каков он есть».ⁱ Руссо призывает всех своих собратьев по человечеству «раскрыть» свое сердце «с равной искренностью». В этом, по Руссо, и состоит *диктатура сердца*.

Звучащее у Руссо требование прозрачности возвещает смену парадигм. Мир XVIII века еще был театром. Он был полон сцен, масок и фигур. Театральной была даже мода. Существенная разница между уличной одеждой и театральной костюмом отсутствовала. В моду вошли и маски. Люди были буквально влюблены в сцены, они отдавались сценическим иллюзиям. Дамские прически (*rouf*) становились *сценами*, представлявшими либо исторические события (*rouf a la circonstance*), либо чувства (*rouf au sentiment*). Для представления сцен в прическу даже вставлялись фарфоровые фигурки. Дамские головы мог украшать целый сад или же корабль под всеми парусами. Как женщины, так и мужчины разукрашивали свои лица румянами. Само лицо становилось сценическим пространством, на котором посредством косметической мушки (*mouche*) можно было выделить те или иные характерные черты. Если вы, например, размещали мушку у уголка глаза, то давали понять о своей страсти. Помещенная у нижней губы, она давала знать о прямоте ее носительницы. Местом сценического представления было и тело. При этом искали не неподдельного выражения сокрытого «внутреннего» (*l'interieur*), «сердца», но, напротив, *игры* с видимостью, со сценическими иллюзиями. К телу относились как к неодушевленной кукле, которую следовало наряжать, украшать, экипировать знаками и значениями.

Этой игре с масками и ролями Руссо противопоставляет свой дискурс сердца и истины. Так, он резко критикует планы создания в Женеве театра. Ведь театр — это «искусство притворства, облачения в чужую личину, представления себя за другого, чем ты есть, хладнокровного самовозбуждения; искусство говорить другое, чем ты думаешь, причем столь естественно, как если бы ты на самом деле так думал; наконец, искусство забывать само свое состояние посредством помещения себя на место кого-то другого».ⁱⁱ Театр отвергается им

i Jean-Jacques Rousseau, *Julie oder die neue Heloise*, München 1978, S. 724 f.

ii Jean-Jacques Rousseau, *Brief an Herrn d'Alembert*. О его статье «Женева» в VII томе «Энциклопедии» и, в частности, о плане строительства в этом городе театра см в: Jean-Jacques Rousseau, *Schriften*

как лишенное какой бы то ни было прозрачности место притворства, мнимости и соблазна. Речи не подобает позерство она должна быть отражением прозрачного сердца.

У Руссо уже можно заметить, что мораль тотальной прозрачности с неизбежностью оборачивается тиранией. Героический проект прозрачности, желающий разорвать все покровы, осветить всё сущее, рассеять всё темное, ведет к насилию. Сам запрет на театр и подражание (*Mimesis*), предписанный еще Платоном его идеальному государству, наделяет руссоистское общество прозрачности тоталитарными чертами. Руссо предпочитает меньшие по размерами города, так как там «каждый горожанин всегда пребывающий под присмотром общественности, оказывается для другого прирожденным нравственным судьей», а «полиции легко осуществлять наблюдение над всеми».ⁱⁱⁱ Руссоистское общество прозрачности выказывает себя как общество тотального контроля и надзора. Его запрос на прозрачность обостряется до категорического императива: «Единственная заповедь учения о нравственности может заступит место всех остальных, а именно: Никогда не делай и не говори того, что не мог бы увидеть и услышать весь мир. Наидостойнейшим из людей я считаю того римлянина, который пожелал, чтобы его дом был выстроен так, что взгляду каждого было бы доступно всё происходящее в нем».^{iv}

Выдвигаемое Руссо требование прозрачности сердца — это *моральный* императив. Римлянин с его насквозь прозрачным домом также следует моральной максиме, а именно «заповеди нравственного учения». Но «цельность дома с его крышей, стенами, окнами и дверью» ныне всё равно «продырявлена» («*durchlöchert*») «материальными и нематериаль-

a.a.O., Bd. 1, S. 333-474; цитируемый отрывок — S. 414.

iii Ebd., S. 393.

iv Rousseau, *Julie oder die neue Heloise*, a.a.O., S. 444. Руссо конструирует естественное состояние, в котором люди видят друг друга насквозь: «Еще до того, как искусство сформировало наше внешнее существо и вложило в уста нашим страстям придуманный язык, наши нравы были естественными, пусть и грубыми, и различие образа жизни с первого взгляда выдавало различие характера. Человеческое естество не было принципиально лучше, но люди обретали свою уверенность в той легкости, с которой они заглядывали внутрь друг друга, и это преимущество, это качество, которым мы более не обладаем, избавляло их от многих пороков». (*Abhandlung über die Wissenschaften und Künste*, *Schriften* a.a.O., Bd. 1, S. 27-60; цитируемый отрывок — S. 35).

ными каналами». Он разваливается на «руины, через разломы которых веет ветер коммуникации».ⁱ *Дигитальный ветер* коммуникации и информации всепроникающ, он всё делает насквозь прозрачным. Продувает он и общество прозрачности. Однако дигитальная сеть как медиум прозрачности не подчинена никакому *моральному* императиву. Она как бы лишена *сердца*, традиционно выступавшего теолого-метафизическим медиумом истины. Дигитальная прозрачность не кардио-, но порно-графична. Она же производит и экономические паноптикумы. Искомым оказываются не моральные излияния сердца, но максимум прибыли, максимум внимания. Высвечивание же обещает *максимум эксплуатации*.

i Vilem Flusser, *Medienkultur*, Frankfurt a.M. 1997, S. 162.

ОБЩЕСТВО КОНТРОЛЯ

В 1978 году Бодрийар пишет в «Агонии реального»: «Мы переживаем конец перспективистского пространства и паноптикума».ⁱⁱ Развивая свой тезис, Бодрийар еще исходит из телевидения как медиума: «Телевизионный глаз более не является исходной точкой абсолютного взгляда, а прозрачность более не является идеалом контроля. В объективном пространстве (пространстве Ренессанса) очевидность еще была предпосылкой для всемогущества деспотического взгляда».ⁱⁱⁱ Тогда Бодрийар еще не знал о дигитальном осетевлении. Сегодня в опровержение его диагноза грядущего мы должны констатировать: в настоящий момент мы переживаем не конец паноптикума, но начало некоего совершенно нового *аперспективного* паноптикума. Дигитальный паноптикум XXI столетия является аперспективным постольку, поскольку он более неподнадзорен некому центру, всемогуществу некоего деспотического взгляда. Конститутивное для бентамовского паноптикума различие между центром и периферией исчезает вовсе. Дигитальный паноптикум обходится без какой бы то ни было перспективистской оптики. В этом и заключается его эффективность. Аперспективное просвечивание является более действенным, чем перспективистский надзор, поскольку теперь высвечивание проводится со всех сторон, отовсюду и даже каждым.

Бентамовский паноптикум — это проявление дисциплинарного общества, это исправительное учреждение. Паноптическому контролю подвергаются тюрьмы, фабрики, сумасшедшие дома, госпитали и школы, т.е. типичные учреждения дисциплинарного общества. Камеры, сомкнутые полукругом перед башней надзирателя, наглухо изолированы друг от друга, так чтобы заключенные не могли коммуницировать

ii Baudrillard, *Agonie des Realen*, a.a.O., S. 48.

iii Ebd. S. 47.

друг с другом. Перегородки между камерами пересекают и любой визуальный контакт между ними. Ради исправления, как говорится у Бентама, они обрекаются одиночеству. Взгляд надсмотрщика достигает любого угла камеры, тогда как он сам остается невидимым для заключенных: «Т.е. существо дела заключается в *центральности* положения надсмотрщика, сочетаемой с хорошо известными и наиболее эффективными приспособлениями для *незаметного наблюдения* (*seeing without being seen*)».ⁱ При помощи изопренной техники создается иллюзия постоянной поднадзорности. Прозрачность явлена здесь лишь как односторонняя. В этом состоит ее перспективность, обосновывающая структуру власти и господства. В случае же аперспективности никакого центрального глаза, никакой центральной субъективности или суверенности не образуется. Если заключенные бентамовского паноптикума знают о постоянном присутствии надзирателя, то обитатели дигитального паноптикума мнят себя свободными.

Сегодняшнее общество контроля выказывает особенную паноптическую структуру. В противоположность изолированным друг от друга заключенным бентамовского паноптикума, его обитатели объединяются в сети и интенсивно коммуницируют друг с другом. В этом случае прозрачность обеспечивается не одиночеством изоляции, но гиперкоммуникацией. Особенность дигитального паноптикума, прежде всего, заключается в том, что сами его обитатели активно соучаствуют в его выстраивании и поддержании посредством выставления себя напоказ и самообнажения. Они сами выставляют себя напоказ на паноптическом рынке. Порнографическое экспонирование и паноптический контроль переходят друг в друга. Эксгибиционизм и вуайеризм питают дигитальный паноптикум сетей. Общество контроля исполняется там, где его субъект саморазоблачается не по внешнему принуждению, но из самопроизведенной потребности, т.е. где страх оказаться вынужденным предать сферы своей приватности и интимности уступает перед потребностью бесстыдно выставить их напоказ.

В виду безостановочного прогресса техники надзора футурист Дэвид Брин обращается к крайним мерам, требуя наблюдения всех за всеми, т.е. демократизации наблюдения. В результате, как он надеется, и возникнет «Transparent

ⁱ Jeremy Bentham, Panopticon, Letter V.

Society». Так, его категорический императив звучит следующим образом: «Сможем ли мы жить жизнью, выставленной на рассмотрение, с нашими открытыми каждому секретами, если взамен сами получим прожекторы, свет которых сможем направлять на кого угодно [...]?»ⁱⁱ Утопия «Прозрачного общества» Брина заключается в снятии каких бы то ни было границ для надзора. Любая асимметрия в информационном потоке, порождающая отношения власти и господства, должна быть устранена. Т.е. высвечивание должно стать взаимным, чтобы поднадзорными были не только низы для верхов, но и верхи для низов. Каждый открывается обозрению и контролю каждого, в том числе и своими частными сферами. Такого рода тотальный надзор низводит «Transparent Society» до бесчеловечного общества контроля. Каждый контролирует каждого.

Прозрачность и власть плохо совместимы. Власть любит рядиться в тайну. Тайнодействие — одна из техник власти. Прозрачность рассеивает таинственность власти. Однако взаимную прозрачность можно обеспечить лишь через постоянный надзор, принимающий всё более чрезмерную форму. Такова логика общества надзора. Кроме того, тотальный контроль уничтожает свободу поступков и в конце концов ведет к унификации (*Gleichschaltung*). Доверие, производящее свободные пространства поступков, не может быть просто заменено на контроль: «Люди должны верить и доверять своему господину; этим своим доверием они предоставляют ему определенную свободу поступков и отказываются от постоянных проверок и надзора. Без такого рода автономии он в действительности не смог бы сделать и шага».ⁱⁱⁱ

Доверие возможно лишь в промежуточном между знанием и не-знанием состоянии. Доверять значит, несмотря на не-знание относительно Другого, выстраивать положительное отношение к нему. Доверие делает поступки возможными, несмотря на отсутствующее знание. Если же я изначально всё знаю, то доверие становится излишним. Прозрачность — такое состояние, в котором любое не-знание оказывается устранено. Там, где властвует прозрачность, места для доверия не остается. Вместо «прозрачность содействует (*schafft*) доверию» собственно должно звучать «прозрачность противодействует (*abschafft*) доверию». Требование прозрачности раздается именно тогда, когда никакого доверия уже нет. В

ⁱⁱ David Brin, *The Transparent Society*, Reading, Mass. 1998, S. 14.

ⁱⁱⁱ Sennett, *Respekt im Zeitalter der Ungleichheit*, a.a.O., S. 152.

обществе, основывающемся на доверии, не возникает неотъемлемого требования прозрачности. Общество прозрачности — это общество недоверия и подозрения, ввиду умаления доверительности делающее ставку на контроль. Шумные требования прозрачности как раз указывают на то, что моральный фундамент общества истончился, что такие моральные ценности, как честность и искренность становятся всё менее значимыми. Место выветривающейся моральной инстанции заступает прозрачность как новый общественный императив.

Общество прозрачности неуклонно следует логике общества достижений. Ориентированный на достижение субъект свободен от внешней инстанции господства, которая принуждала бы его к работе и эксплуатировала. Он сам себе и господин, и работодатель. Однако упразднением инстанции господства никакой действительной свободы и непринужденности не обретается, поскольку ориентированный на достижение субъект *сам себя* эксплуатирует. Эксплуататор одновременно является эксплуатируемым. Здесь насильник и жертва оказываются одним и тем же лицом. И самоэксплуатация даже эффективнее внешней эксплуатации, поскольку сопровождается чувством свободы. Ориентированный на достижение субъект подчиняется свободному, самопроизведенному принуждению. Эта диалектика свободы также лежит в основании и общества контроля. Самовысвечивание эффективнее, чем внешнее высвечивание, поскольку сопровождается чувством свободы.

Бентамовский проект паноптикума, прежде всего, мотивирован *морально* или *биополитически*. По Бентаму, первый ожидаемый эффект от внедрения паноптического общества контроля — это «исправление нравов» («morals reformed»);ⁱ Среди прочих его эффектов он называет «сохранение здоровья», «распространение назидания», как и то, что «гордиев узел законов для бедняков (Poor-Laws) не разрубается, но распутывается».ⁱⁱ Принуждение к прозрачности сегодня является не эксплицитно моральным или биополитическим, но, прежде всего, экономическим императивом. Высвечивающий себя также предаёт себя эксплуатации. *Высвечивание и есть эксплуатация, Auslichtung ist Ausbeutung. Засвечивание (Überbelichtung) того или иного субъекта пре-*

i Bentham, Panopticon, Preface.

ii Ebd.

умножает экономическую эффективность. Прозрачный клиент — это новый заключенный и даже *Homo sacer* дигитального паноптикума.

В обществе прозрачности не возникает никакого *сообщества (Gemeinschaft)* в собственном смысле слова. Возникают лишь случайные *сборища (Ansammlungen)* или *скопления* самих по себе изолированных индивидов, множества *единичных (Egos)*, преследующих какой-то общий для них интерес или группирующихся вокруг того или иного брэнда (*Brand communities*). Они отличаются от *собраний (Versammlungen)*, способных к общему политическому действию, к становлению в *Мы*.ⁱⁱⁱ Сборища, подобные *Brand communities*, составляют накопительные образования, без какого-либо внутреннего сгущения. Покупатели сами предоставляют себя паноптическим наблюдениям, управляющим и удовлетворяющим их потребности. В этом отношении социальные медиа более не отличаются от паноптических машин. Коммуникация и коммерция, свобода и контроль сходятся в одно. Раскрытие производственных отношений для покупателей, подающее прозрачность как двухстороннюю, выказывает себя, в конечном итоге, как *эксплуатация социального*. Социальное низводится и операционализируется в некий функциональный элемент производственного процесса. Прежде всего оно служит оптимизации производственных отношений. Мнимая свобода покупателей лишена какой-либо негативности. Они более не создают никакого Внешнего, что ставило бы под вопрос системное Внутреннее.

Сегодня в паноптикум раскрывается весь земной шар. Вне паноптикума нет ничего. Он становится тотальным. Внешнее от Внутреннего не разделяется никакими стенами. Google и социальные сети, некогда презентировавшиеся как пространства свободы, принимают паноптические формы. Надзор сегодня, вопреки обычным представлениям, не осуществляется как наступление на свободу.^{iv} Напротив, на обозрение паноптическому взгляду предают себя *добровольно*. Люди усердно *соучаствуют* в выстраивании дигитального

iii Ср. Гегель. Феноменология духа (а.а.О., S. 140): «Тем самым мы получаем понятие Духа. [...] Я, которое есть Мы, и Мы, которое есть Я».

iv Так звучит и название книги Юли Цех и Илии Троянова: «Наступление на свободу: мания безопасности, государство надзора и упразднение гражданских прав».

паноптикума, разоблачаясь и выставляя себя на показ сами. Заключенный дигитального паноптикума одновременно является и жертвой, и насильником. В этом состоит диалектика свободы. Свобода выказывает себя как контроль.

Об авторе:

Бьун-Чул Хан родился в Южной Корее (г. Сеул), в настоящее время – профессор Берлинского университета искусств (UDK). Автор более 20 книг.

»*The Korea-born philosopher is one of Germany's most radical thinkers. His books are unusually short but substantial and very rich in opinion for a philosopher. Han is a passionate thinker, who declared hyperboles as his stylistic device.*« Peter Schiering, ZDF aspekte (German television)